

0670

HARLEQUIN[®]

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Никки Логан

**ОСТРОТА
ОЩУЩЕНИЙ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Никки Логан

Острота ощущений

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Логан Н.

Острота ощущений / Н. Логан — «Центрполиграф»,
2016 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07120-0

Для Онор Брайер изолированный тропический остров уже четыре года является идеальным местом жизни после смерти мужа и сына. Там она встречает Роберта Далтона, морского археолога, который из-за аварии вынужден провести на острове некоторое время. Невольно они начинают сближаться и узнавать друг друга.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07120-0

© Логан Н., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Никки Логан

Острота ощущений

Nikki Logan
SHIPWRECKED WITH MR. WRONG

© 2011 by Nikki Logan

© «Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

Глава 1

Остров Пулу-Килинг, Западная Австралия

– Черт, это еще что за...

Роб Далтон сбросил скорость моторного катера «Игрок» до малого хода и, нахмурившись, поднес к глазам бинокль.

Наверное, показалось...

Роб не сводил глаз с лагуны, образованной опасными для мореходов коралловыми рифами, окружающими остров Пулу-Килинг.

Неужели там, вдалеке, и вправду только что мелькнула русалка? Но тут холодный океан вспенился высоким прибоем между катером и островом, скрыв ее от глаз Далтона. А затем она показалась снова. Роб кинул еще один взгляд и вновь увидел ее, плывущую к берегу. Сзади русалку словно подталкивало вперед что-то сверкающее, похожее на серебряный хвост.

«Не может этого быть!» – подумал Роб, опустил бинокль и окинул взглядом остров. Ничего необычного: высокие деревья, дюны, коралловый риф. Горизонт чист – лишь несколько облачков в бездонном голубом небе.

Роб сдвинул на лоб солнечные очки и плотнее прижал окуляры бинокля к глазам. Русалка никуда не делась – так и гребла себе. А серебристый хвост по-прежнему виднелся позади нее.

Это невозможно! Впрочем, кто знает – вдруг тут, вдали от цивилизации, водятся подобные существа? В голове Роба пронеслось множество морских баек. Но он ведь не моряк девятнадцатого века, изголодавшийся по женщинам настолько, что готов принять за русалку какую-нибудь морскую корову!

Уверенными гребками странное существо достигло берега и... поднялось из воды на двух ногах – длинных, загорелых. Роб перевел дыхание. Он принял женщину за русалку? Идиот! Да, в этих местах жарко. Но ведь не настолько, чтобы перегреться на солнце и начать представлять себе русалок там, где их нет. Но что делает эта незнакомка в бикини здесь, на острове, где обитают лишь птицы да крабы? Разве это не менее странно?

Старик, заправлявший в доке катер Роба, бормотал что-то о женщине-духе, живущей на Пулу-Килинге и охраняющей свой остров.

Между тем «русалка» вытянула из воды серебристый мешок и бросила его на гальку. Ее соблазнительное загорелое тело то и дело исчезало из поля зрения Роба и снова появлялось, потому что катер покачивало на волнах. Вот она наклонилась, тщательно рассматривая содержимое мешка.

Роб снова задумался над тем, что делает тут таинственная женщина.

Повернувшись спиной к прибою, она подняла руки, выжала воду из длинных светлых волос, затем скрутила их в жгут и перекинула на правое плечо.

– Обернись, обернись, – вполголоса твердил Роб, затаив дыхание. Интересно, лицо у этой «русалки» такое же красивое, как и тело? Но она, не поворачиваясь, закинула на левое плечо веревку, которой мешок был привязан к ее лодыжке, и поволокла его по каменистому пляжу к тропинке между заросших травой дюн. Несмотря на тяжелый груз, двигалась незнакомка грациозно. От нее веяло здоровьем и энергией. Сердце Роба бешено колотилось.

– Обернись, – продолжал он твердить себе под нос.

Наконец она, словно услышав его, нагнулась, перетаскивая мешок через гребень дюны, и перед взором Роба мелькнули загорелые руки и крепкая грудь. Затем женщина выпрямилась, чтобы перевести дух, и приставила ладонь козырьком к глазам, которые... смотрели прямо на Роба. Тот сразу опустил бинокль, чуть не уронив в воду.

Вовремя подхватив его и взглянув на остров, Роб увидел, как «русалка», без оптики кажущаяся отсюда совсем крошечной, машет рукой.

– Да, я заметил тебя, детка, – промурлыкал Роб, смутившись, что она застала его глазами на нее. Впрочем, он привык, что женщины восторгаются его внешностью, так что тоже помахал в ответ.

Теперь незнакомка еще сильнее замахала обеими руками.

Роб нахмурился:

– В чем дело?

Но тут раздался громкий скрежет, и катер накренился, отчего Далтон еле устоял на ногах: «Игрок» задел кормой коралловый риф, окружающий остров.

– Чтоб тебя... – выругался Роб.

Он поддал газу и резко вывернул штурвал, направляя катер на безопасное расстояние от еле виднеющегося над водой рифа. Выполняя этот маневр, Роб заметил еще один серебристый мешок в дальней части атолла, где, похоже, волны были не такими сильными. Он направил катер туда, используя мешок в качестве ориентира. Добравшись до цели, Роб бросил якорь, чтобы катер не сносило течением, снял очки, нацепил маску для подводного плавания и нырнул за борт.

«Проклятье! – подумал Роб, проведя ладонью по искореженному металлу в том месте, где коралловый риф пробил корпус. – Чтобы провести полный ремонт, потребуется не меньше трех дней стоянки в сухом доке. Но мне сейчас некогда этим заниматься! Впрочем, «Игрок» останется на плаву, если немного подремонтировать его прямо тут, на острове».

Роб вынырнул на поверхность, доплыл до кормы, на которой была прикреплена короткая лестница, и поднялся обратно на катер.

– Надеюсь, вы собираетесь заодно проверить, насколько пострадал риф от столкновения с вами? – раздался сзади сердитый голос.

Снова надев солнечные очки, Роб обернулся и увидел свою «русалку», подплывшую сюда и забравшуюся на выступающую из воды часть рифа. Женщина стояла, тяжело дыша, и по ее коже стекали капли воды.

В другой ситуации Роб тут же вспомнил бы дюжину остроумных ответов, уже опробованных на других женщинах. Но сейчас ни один из них не пришел в голову. Он просто стоял и смотрел на рассерженную незнакомку. Точнее, на ужасные шрамы, тянущиеся от ее правого уха до плеча.

* * *

Онор Брайер не была сейчас расположена к тому, чтобы на нее глазели. Особенно этот идиот, умудрившийся врезаться во внешнее кольцо атолла, образованное живыми кораллами, росшими тут в полной безопасности многие века.

– Вы меня слышите? Этот коралл будет восстанавливать себя еще лет двадцать после того, как ваша лодка проржавеет и рассыплется.

Парень по-прежнему смотрел на Онор, слишком явно отводя взгляд от страшных шрамов. Подавив порыв прикрыться рукой, она уперла кулаки в бока:

– Эй, вы умеете разговаривать или всего лишь служите украшением катера?

Наконец этот тип, кажется, услышал ее и наградил улыбкой, способной заразить завоевать дюжину девичьих сердец – но не сердце Онор, с некоторых пор ставшее бесчувственным.

Она перешла на более официальный стиль общения:

– Тут запрещено находиться без специального разрешения и проводника.

– Но вы-то здесь. – У этого незнакомца голос оказался очень подходящим к его внешности: низкий, обволакивающий, словно шелк.

– У меня есть разрешение.

– А проводник?

Онор раздраженно щелкнула языком:

– Мне он не требуется.

– А я не собирался тут останавливаться. Как видите, у меня возникла небольшая проблема.

Она перевела взгляд на кипу снаряжения для подводного плавания, лежащую на палубе. А сколько его еще небось в трюме! Вот почему этот тип шастает в этих местах.

– Вы здесь ныряете?

– А что такое? Морское дно тоже под запретом?

– Частично да. Рядом с островом погружения запрещены. Зачем вы подплыли так близко?

– Я хотел попытаться разглядеть то место, куда во время Первой мировой войны выбросило немецкий крейсер «Эмден» после сражения с австралийским судном. А потом меня отвлекла... э-э-э... птица.

Так этот тип увлекается наблюдением за птицами? Онор пару раз в год привозила сюда на экскурсии таких вот любителей птиц. Она посмотрела на дорожный полевой бинокль собеседника:

– Вы увидели олушу?

Он снова сверкнул в улыбке белыми зубами:

– Кажется, да.

Кажется? Но ведь Пулу-Килинг знаменит именно колониями олуш, которых тут водятся целых три вида. Почему незнакомец не смог определить, какую птицу увидел, если он орнитолог-любитель?

Какая же она дура! Да ведь он просто над ней издевается!

Едва удержавшись от того, чтобы скрестить руки на груди, Онор сказала:

– Вам, должно быть, хочется увидеть место, где стоит памятник крейсеру «Эмден». Вы увидите его в бинокль, если выплывете за пределы рифа. – В ее голосе звучали недовольство и нетерпение: пора этому типу уже проваливать отсюда.

– Вообще-то мне нужно сойти на берег.

– Ни за что. У вас нет разрешения.

– Я не хочу подвергать «Игрока» опасности. Нельзя плыть дальше, не залатав пробоины. «Игрок»! Название говорит само за себя. Судя по тому, как этот парень поглаживает перила леерного ограждения своего катера, это судно для него очень много значит. Онор знала все о мужчинах и их лодках.

– Тогда вам лучше направиться обратно – туда, откуда приплыли.

– Я причаю к берегу. Попробуйте остановить меня, если сможете. Я не выйду в море, пока не почию катер.

Незнакомец скрестил руки на груди, отчего его мокрая футболка натянулась на широкой груди. Онор отступила на шаг, не зная, как себя вести, потому что за те сезоны, что она провела на Пулу-Килинге, еще не разу никто не являлся сюда без разрешения от властей.

– Ну так что, отправите меня в море, чтобы я там утонул, или я высаживаюсь на остров?

Голос Онор еле заметно дрогнул от этих слов. Впрочем, откуда этому человеку знать, что...

– Делайте что хотите.

– Где я могу войти в лагуну?

– Нигде, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Вам придется встать на якорь прямо здесь.

Незнакомец обвел взглядом лагуну:

– Вы серьезно? А как насчет южной стороны острова?

– К Пулу-Килингу нельзя подойти на катере. Это атолл, со всех сторон окруженный коралловым рифом. Еще не поздно изменить свое мнение – возвращайтесь туда, откуда приплыли. Онор посмотрела на палубу, заваленную каким-то техническим оборудованием и снаряжением для подводного плавания. Она бы не рискнула оставить все это на поврежденном катере, тем более в здешних местах, где погода так непредсказуемо изменчива. И этот парень, кажется, думает так же.

– Нет. Я высаживаюсь на берег. У меня нет другого выхода.

«Судя по всему, у меня тоже», – мелькнуло в голове у Онор.

Почти не разговаривая, они занялись перевозкой оборудования на берег. Незнакомец передавал Онор предмет за предметом с палубы катера, она складывала их в надувную шлюпку с «Игрока» и буксировала через лагуну на остров. Это было нелегким делом, но Онор ни разу не пожаловалась. Затем Мистер Красавчик запер каюту, отплыл на несколько метров от внешнего крутого склона рифа и бросил сначала один якорь, потом второй, запасной. Затем этот парень нырнул в воду, подплыл к рифу, подтянулся на руках, перелез через него и направился к острову, таща за собой шлюпку. Здесь, под прикрытием рифа, вода была теплее, волнение меньше, разноцветные рыбы сновали вокруг плывущего двуногого гиганта, тянущего за собой надувную лодку.

Онор, уже ощущая усталость в руках, доплыла до берега и встала на мелководье, глубоко дыша и дожидаясь своего незваного гостя. Когда он добрался до берега, они вытянули шлюпку на песчаную полосу, идущую вдоль линии прилива. Тащить надувную лодку в глубь пляжа было рискованно, чтобы не повредить о камни.

– Дальше я перенесу все сам. Отдохните, – сказал незнакомец, и его слова тронули Онор.

– Я в порядке. – Она достала из лодки один из приборов. – А для чего все это?

– В основном тут подъемное оборудование, техника для фотосъемки, гидролокатор, спутниковый навигатор.

Онор замерла:

– Так вы черный археолог?

«А если это и в самом деле так, – подумала она, – что мне тогда делать? Ведь полиции тут нет».

– Я – морской археолог.

– И в чем разница?

Он поднял темную бровь и ворчливым тоном пояснил:

– Разница в том, что черные археологи – воры, а у меня имеется открытый лист от австралийских властей и я действую в соответствии с законом.

– Вы ищете затонувшие корабли?

Незнакомец широко улыбнулся и уточнил:

– Я нахожу затонувшие корабли.

Онор, прищурившись, внимательно рассматривала его, пока он перетаскивал оборудование из шлюпки на пляж выше уровня прилива.

– Вы не похожи на археолога. – И это было так. Этот тип скорее напоминал актера из рекламы мужского нижнего белья.

– А вы не похожи на морскую корову.

– Что?

– Ничего.

Он ухмыльнулся и протянул испачканную в песке руку:

– Меня зовут Роберт Далтон. Друзья называют меня Роб.

– Я – Онор Брайер, Роберт.

– И что же вы тут делаете? В таком месте, где я меньше всего ожидал встретить женщину.

– Из-за старой малайской легенды, гласящей, что женщинам нельзя находиться на Пулу-Килинге?

– Нет. Потому что этот остров считается необитаемым.

– Я живу тут восемь месяцев в году. Наблюдаю за тем, как черепахи откладывают яйца, и контролирую колонию олушей.

– Вы живете по восемь месяцев подряд на необитаемом острове, где нет пресной воды и никаких удобств?

Этот вопрос Онор задавали уже не раз. Она пожала плечами.

Роб Далтон посмотрел на нее словно на сумасшедшую, даже не подозревая, насколько недалеко от истины.

– И чем вы занимаетесь?

Онор, подумав, что этот парень, похоже, стоял в очереди за красивой внешностью, когда другим раздавали мозги, повторила уже медленнее:

– Наблюдаю за тем, как черепахи откладывают яйца, и контролирую колонию...

– Олушей. Я понял. Я хотел спросить, чем вы еще занимаетесь, как проводите время?

Они вместе взяли за края опустевшей шлюпки, подняли ее и понесли туда, где уже было сложено оборудование.

– Я не занимаюсь ничем, кроме своей работы, – ответила Онор.

Роб присвистнул:

– Кого это вы так рассердили, что вас сослали сюда?

– Никого! Я сама захотела приехать на Пулу-Килинг. Мне очень здесь нравится.

А еще отсюда ближе всего до... Нет, она не будет думать об этом, особенно в присутствии этого придурка.

Онор небрежно шлепнула свой край надувной лодки на камни.

– Эй, осторожней! – поморщился Роб.

– Ваши вещи пролежат здесь до завтра в полной безопасности. Сегодня ночью по прогнозу не ожидается шторма, – бросила Онор через плечо, давая понять, что разговор окончен.

Она подошла ко второму серебристому мешку, лежащему неподалеку у воды, вскинула на плечо привязанную к нему веревку и грациозно пошагала прочь, волоча его за собой.

Через пару минут она оглянулась и увидела, что Роб смотрит на свои вещи стоимостью в тысячи долларов, сваленные в кучу на камнях. Затем он поморщился и последовал за ней по едва заметной тропе среди зарослей кокосовых пальм, растущих у подножия дюн.

Онор неловко переминалась с ноги на ногу. Она и не предполагала, что ее маленький лагерь увидит кто-то посторонний.

Пару сезонов назад Онор выложила ракушками узкую тропу от пляжа до лагеря, а еще она разорилась на дизайнерский полог для палатки – с копией полотна Ван Гога «Подсолнухи». Такая палатка смотрелась немного странно в необитаемых тропиках, но Онор нравилась эта необычность. Она даже подумывала, не засадить ли территорию своего лагеря какими-нибудь растениями, чтобы они, словно ковер, закрыли окружающий палатку белый песок, но после отказалась от этой мысли. Ведь Пулу-Килинг – заповедник, хоть и самый маленький в Австралии, но на него распространяются запреты, касающиеся и больших национальных парков. В том числе нельзя устраивать тут и сады-огороды.

Поэтому приходилось мириться с песком, постоянно попадающим внутрь палатки.

Роб, шагая за Онор, с большим интересом оглядывался по сторонам. Пусть только этот тип попробует отозваться об острове с пренебрежением! Пулу-Килинг – кусочек тропического рая с пышной растительностью, кристально чистой водой и богатым животным миром – стал для нее вторым домом, убежищем.

– А здесь очень даже уютно, – заявил незванный гость.

Онор с подозрением отнеслась к этому комплименту.

– Здесь есть все, что мне необходимо.

Это было так. К началу каждого сезона на остров доставлялось оборудование для работы, палатка, аптечка, ракетница, книги, ноутбук, аккумуляторы, рация, генератор, заправленный горючим, съестные припасы и куча десятилитровых канистр с пресной водой. Сейчас все это было аккуратно разложено на своих местах.

Добравшись до лагеря, Роб обернулся, чтобы полюбоваться открывавшимся отсюда видом. Склоненные друг к другу верхушки кокосовых пальм образовывали идеальную рамку для океанской лагуны, сверкающей под солнцем. Заросли пизонии высотой почти в тридцать футов защищали лагерь от непогоды и жаркого тропического солнца.

Глядя на крепкую фигуру Роба, вырисовывающуюся на фоне лагуны, Онор изо всех сил старалась не глазеть на его длинные мускулистые ноги и не обращать внимания на то, как облегает его спину мокрая футболка. Этот парень был загорелым, высоким, поджарым, с плечами заядлого серфера. Прекрасно сложенный, но не перекачанный. Онор подумала, что, судя по его прекрасной спортивной форме, где-то там, на материке, его возвращения ждет пара персональных тренеров.

Нет, тренерш. Это точно.

Она нахмурилась. Откуда только взялись такие мысли? Этот человек провел на острове всего пять минут и уже нарушил ее покой и привычный ход вещей.

Онор смотрела, как Роб, уперев руки в бока, любитесь видом. Чего он дожидается? Что вдруг появится посыльный с пищей?

Она поджала губы:

– Роберт, ну что вы там стоите? Заходите.

Войдя в тень деревьев, укрывающих ее лагерь, Роб поднял на лоб солнечные очки. Сердце Онор перевернулось в груди и застучало быстрее, когда она увидела, что его глаза такие же ярко-голубые, как и воды лагуны.

Стараясь успокоиться, Онор поспешила отвести взгляд, суетливо направилась к палатке и натянула поверх бикини хлопковую рубашку с длинными рукавами.

– Восемь месяцев... – донесли до нее негромкие слова Роба.

Она вскинула подбородок и поинтересовалась:

– Сколько времени у вас займет ремонт катера?

Вопрос прозвучал грубее, чем предполагалось, словно Онор выкрикнула: «Убирайся с моего острова!»

От Роба не ускользнул ее агрессивный тон. Его губы сжались, красивые глаза потемнели.

– Понятия не имею. Сначала мне нужно хорошенько осмотреть повреждение.

– Я могу чем-то помочь? – Эти слова она попыталась произнести примиряюще.

– Так торопитесь меня выпроводить?

Он обжег ее пронизательным взглядом, и Онор внезапно стало стыдно.

– Нет. Просто... Я не планировала, что на острове будут... гости.

Это было лишь частью правды.

– Я постараюсь не попадаться вам на глаза, – с невозмутимым лицом ответил Роб Далтон, и лишь по заходившим на щеках желвакам можно было определить, что Онор сумела вывести его из себя.

А ее мысли он, похоже, читал по ее лицу, словно раскрытую книгу.

– Хорошо. Что ж, Роберт, мне нужно работать. – Онор потянулась за своим верным полевым дневником и, пересилив себя, добавила: – Располагайтесь как дома.

Далтон искренне улыбнулся. Неужели ему показалось невероятным, что можно чувствовать себя как дома в ее маленьком лагере? Еще бы! Ведь солнечные очки этого типа стоят

больше, чем все ее лагерное снаряжение. Не дожидаясь его ответа, Онор взяла бинокль и направилась к деревьям.

Роб проводил ее глазами, а затем снова осмотрелся. Как можно чувствовать себя тут как дома? Он ощущал себя незваным гостем, вторгшимся в этот мирок, обустроенный так под домашнему, по-женски.

Роб вздохнул и зашагал обратно к пляжу, по дороге сняв в себя мокрую рубашку и повесив ее на куст для просушки. Войдя в воду, он поплыл к своему катеру, который купил на первые самостоятельно заработанные деньги.

Добравшись до «Игрока», он надел маску для подводного плавания и уже приготовился нырнуть за борт, но замер, задумавшись.

«Да в чем дело? Почему сам факт моего пребывания здесь так раздражает Онор Брайер? Что бы я ни сказал, она все принимает в штыки, а ведь я пробыл тут всего около часа. Не то чтобы она откровенно груба со мной. Даже в конце нашей беседы попыталась вести себя мило. Хотя наверняка ей это не свойственно».

Роб улыбнулся. Эта особа определенно отличалась от всех известных ему женщин. Им нравилось, когда он рядом, они даже бегали за ним. Роб не привык, чтобы с ним обращались так негостеприимно или чтобы женщина была с ним так... прямолинейна. Онор не собирается перед ним заискивать или притворяться. Она хочет, чтобы Роб поскорее покинул остров, и ясно дала это понять. Это показалось приятным контрастом тому непрошеному раболепству, с которым он постоянно сталкивался, возвращаясь домой. Конечно, Роба немного задело обращение с ним Онор, но зато она была с ним абсолютно честна.

Роберт Далтон-старший целый час бы на него орал за то, что сын отдает предпочтение темпераменту, а не обаянию. Отец считал, что в идеале все должны вращаться вокруг него, словно планеты вокруг звезды, и хотел вырастить сына таким же, как он сам.

Отточенным движением Роб нырнул с борта катера в холодные воды Кокосовой котловины. Глубина ее доходит до семи с половиной тысяч метров. По сравнению с такими величинами он – просто крошечная амеба, плещущаяся на самом мелком месте – там, где дно котловины поднялось над океаном, став сушей по крайней мере на это столетие, потому что береговая линия этих островов постоянно изменяется. Как и их принадлежность различным суверенам. Двести лет ими владел Цейлон, сто – Британия, пятьдесят – Австралия. В следующем веке, возможно, придет черед Индонезии завладеть ими, если еще останется, на что предъявлять права. Если уровень моря продолжит подниматься с такой же скоростью, как сейчас, Кокосовые острова уйдут под воду. Ничто не вечно. Разве это не так?

Солнце немного переместилось по небосводу, и при изменившемся освещении трещина в корпусе катера стала заметнее. Роб провел по ней рукой, оценивая степень повреждения.

Тут нужна газовая сварка, но он не взял сварочный аппарат в свое короткое путешествие. И, разумеется, такая вещь не найдется у симпатичной отшельницы.

Вынырнув, Роб вскарабкался на палубу «Игрока» с мрачными мыслями. Да, течи пока нет, но все может измениться в любой момент под непрекращающимися ударами океанских волн. Слишком рискованно выходить в море, не отремонтировав катер. Нужно дождаться, когда на остров доставят необходимое оборудование для сварки, а после ремонта другое судно сопроводит «Игрока» до Хома – одного из двух постоянно обитаемых островов этого архипелага.

Да уж, короткая экскурсия непредвиденным образом затягивается.

У Онор, скорее всего, есть в лагере рация, с помощью которой можно связаться с властями и сообщить о своем затруднительном положении.

Злясь на собственную глупость, Роб, плывя обратно к острову, утратил бдительность, и первая попытка взобраться на риф оказалась неудачной – живот в нескольких местах расцара-

пали острые кораллы. Пришлось дожидаться волны, чтобы подняться на риф с ее помощью. От соленой воды ссадины словно обожгло огнем, но у Роба бывали раны и похуже.

«Хотя не такие страшные, как у Онор, – подумал он, ныряя в лагуну и пересекая ее. – Эти шрамы... Я, конечно, не эксперт, но они не похожи на ожоги – скорее на шитье из лоскутов. Словно ее собирали по кусочкам, как Франкенштейна. – Роб нахмурился. – Нет. Это неудачное сравнение. В Онор нет ничего от монстра. Что-то очень скверное случилось с моей русалочкой – и не так давно, судя по тому, как выглядят шрамы. Возможно, они до сих пор причиняют ей боль».

Сердце Роба сжалось. Пусть с этой женщиной и нелегко общаться, но ему нельзя даже в такой глуши забывать о человечности. Жить с болью Роб не пожелал бы никому. Даже такой раздражительной особе, как его новая знакомая.

Роб вернулся в лагерь, успев по дороге надеть уже высохшую на кусте футболку. Рацию он обнаружил сразу – Онор его присутствие настолько выбило из седла, что она ушла, забыв взять передатчик с собой. Роб увидел, что рация настроена на аварийную частоту. Конечно, небольшое столкновение с островом вряд ли можно назвать настоящим бедствием, но оно тоже подлежит регистрации.

– База! Это судно ВКБ-290. Прием.

Роб подождал, затем повторил вызов морской спасательной службы северо-западного побережья Австралии. До столицы Индонезии Джакарты отсюда ближе, но острова принадлежат Австралии. Если ему будет велено выйти в море, он так и сделает. А если ему скажут остаться на острове, он будет усиленно возражать.

База ответила, и общение продолжилось на другой частоте. Роб сжато изложил суть проблемы и в ответ услышал:

– Вы знаете, что находитесь в запретной зоне? Прием.

– У меня не было выбора.

Возникла пауза, затем в рации прозвучало:

– Согласно нашим данным, на Пулу-Килинге сейчас находится исследователь с полным снаряжением. Рекомендуем вам связаться с этим человеком.

Перед глазами Роба на мгновение возник образ: раздраженная Онор, стоящая на рифе, уперев руки в бока, а с ее тела стекает каплями вода.

Он улыбнулся:

– Вас понял. Контакт уже установлен.

– Оставайтесь на связи.

Рация опять замолчала. Роб затаил дыхание в ожидании ответа. Наконец передатчик снова ожил:

– ВКБ, у нас экстренная ситуация на нефтяной вышке в восьмистах километрах к северу от вас. Все спасательные плавсредства будут заняты там в течение нескольких дней. Предлагаем вам оставаться на месте. Прием.

Роб закрыл глаза и выругался. Роберт Далтон-старший в этом случае обязательно разыграл бы карту «Парень, ты знаешь, кто я такой?», устроил бы сцену, заставил бы выслать за ним вертолет. Он бы не задумываясь воспользовался своим именем или кошельком. Не постеснялся бы надавить даже на спасателей, отвечающих за безопасность австралийского побережья.

Такие ситуации, как эта, были для Роба отличной возможностью доказать, что он не похож на своего отца.

Но тут он обвел взглядом крошечный лагерь и представил, как он и хозяйка острова несколько дней подряд пытаются избегать друг друга. Тем более она ясно дала понять, что думает о своем незваном госте и его работе.

Роб снова выругался и решил разыграть свою единственную карту:

– База, это невозможно. Я должен доставить важный документ. Меня ждут. Запрашиваю другой вариант. Прием.

Он поморщился, подумав, что сейчас очень напоминает своего отца. Неудивительно, что голос собеседника вдруг зазвучал холодно:

– ВКБ, это не предложение. Это приказ. Оставайтесь там, где находитесь, и ожидайте дальнейших инструкций. Мы свяжемся с вашей семьей. Повторяю, не покидайте остров до дальнейших указаний. Прием.

У Роба внутри все сжалось. От этих парней на базе зависит его лицензия на управление катером – не хочется с ними связываться.

– База, когда примерно прибудет помощь?

– По нашим данным, на остров регулярно осуществляются поставки для находящегося там специалиста. Так что пока изучайте пляж. Считайте, что вы в отпуске. Конец связи.

Глава 2

Онор застыла на краю лагеря с полевым дневником в руках и открытым в ужасе ртом, а затем ахнула:

– Вы шутите?

подавив улыбку, Роб спросил:

– Когда вам в следующий раз привезут продукты?

– Только сегодня утром доставили новую партию.

В ее голосе зазвучали истеричные нотки, и Роб, не сдержавшись, все-таки улыбнулся.

– Что вас так развеселило?

– Вы. Ведете себя так, словно я – Джек Потрошитель. Когда ожидается следующее пополнение ваших запасов?

– Через десять дней. Придется ждать больше недели!

– Но меньше месяца.

Роб сделал глубокий вдох и посерьезнел. Десять дней! Во-первых, ему придется прожить с этой женщиной десять долгих дней, пока судно, привозящее продукты, не доставит на остров сварочный аппарат. А во-вторых, придется пропустить семейную встречу Далтонов во вторник. Отец очень рассердится.

Онор хоть и тоже сердилась, но при этом выглядела сногшибательно. Ее волосы пшеничного цвета почти высохли. Выбившиеся из хвоста пряди обрамляли лицо, подчеркивая его безукоризненный овал, а также прикрывали страшные шрамы на плече.

Женщины там, в Америке, готовы заплатить сотни долларов, чтобы добиться такой же прически. А Онор, стоя перед Робом в своем желтом бикини и небрежно накинутой сверху голубой рубашке, казалось, сошла прямо с обложки модного журнала.

Она была не самой красивой женщиной из тех, что встречались Робу. В свое время он знал немало идеальных красоток и встречался с половиной из них. Но Онор с легкостью выиграла бы приз за самую естественную привлекательность. Здоровая, подтянутая, загорелая, с ясными глазами и белыми ровными зубами. Про зубы он скорее догадался, потому что еще не видел улыбки этой женщины. Но она, должно быть, часто улыбается, судя по легким морщинкам у внешних уголков глаз, в которых отражаются одновременно и зелень деревьев, и синева океана, а еще печаль.

Обычно подружки Роба были моложе, более худые и куда ухоженнее, чем эта женщина с чувственными формами и развевающимися на ветру волосами. И все-таки Роб ощутил сексуальное влечение к Онор. Он тут же попытался отвлечься на что-то менее возбуждающее – на ее шрамы.

Онор решительно направилась к нему:

– Десять дней! Роберт, вы не можете оставаться тут так долго!

– Почему?

– Потому что...

Ее рот открылся и закрылся, как у злой рыбешки. А Роб любовался розовым румянцем, разлившимся по скулам собеседницы.

– Я... Вы не можете! Мне нужно работать!

Роб проигнорировал эти слова, решив не вступать в спор. Будь у него выбор, он ни за что не остался бы тут на десять дней. Но раз уж так вышло, командовать будет он.

Повернувшись, Роб зашагал к палатке.

– Могу я одолжить у вас аптечку? – спросил он, сняв футболку и бросив ее на раскладной стул. Онор еще раньше обратила внимание на сильные плечи и широкую спину своего гостя, но сейчас, увидев их обнаженными, еле сдержала восторженное восклицание. Заставив себя

сосредоточиться, она шагнула к Робу, собираясь что-то сказать, и тут он повернулся. Онор, утратив дар речи, уставилась на небольшую штангу-барбеллу в его проколоте соске.

Во рту тут же пересохло. Господи, она столько лет грезила о мужчине с пирсингом сосков. Мужчине, куда более потрясающем и уверенном в себе, чем те, что были вокруг! Эти мечты хранились в тайне в самой глубине души.

И вот на тебе! Именно сейчас так некстати они осуществились.

Роб окликнул ее, и Онор, очнувшись от своих размышлений, перевела взгляд ниже, на его живот, изуродованный безобразными ссадинами.

– О боже!

Она торопливо подошла ближе, отогнав прочь внезапное желание провести рукой по твердому брюшному прессу Роба. О чем она думает! Ведь этот человек ранен!

Онор осмотрела две самые глубокие ссадины, стараясь не обращать внимания на поблескивающее в соске Роба украшение.

– Раны не слишком глубокие, но о них необходимо позаботиться. – Она бросилась к палатке за аптечкой, гость пошагал вслед. – Соленая вода хорошо заживляет раны. Промывайте ссадины ею каждый день, потом вытирайте насухо. Немного солнца тоже не повредит. Но сначала их нужно обработать.

Онор вынырнула из палатки со всем необходимым для дезинфекции ран и их перевязки.

– Кажется, будет сильно жечь? – напряженным голосом спросил Роб.

– Уверена, вы потерпите.

– Мне лучше присесть.

Взглянув ему в лицо, Онор поняла, что он не шутит.

– Но ведь это всего лишь ссадины...

– Слишком поздно. Я плохо переношу вид крови.

Лицо Роба побледнело. Он посмотрел на свой живот, затем, пошатываясь, подошел к походному стулу и рухнул на него, глубоко дыша. Онор с первого взгляда определила, что Роб пытается овладеть собой, контролируя дыхание, – она и сама нередко так поступала в последние четыре года. Она опустилась перед ним на колени, села на пятки и, глядя ему в лицо, стала дожидаться, когда его волнение пройдет.

Теперь она испытывала к своему незваному гостю чуть меньшую неприязнь.

Наконец он сделал длинный выдох и слабо улыбнулся.

Чтобы поддержать Роба, Онор улыбнулась в ответ.

– Так вот, оказывается, что мне нужно сделать, чтобы вызвать у вас улыбку? Лишиться самообладания? – надтреснуто рассмеялся он.

«Это уж вряд ли», – мысленно фыркнула Онор. Почему-то из-за его уязвимости она лишь сильнее чувствовала мужественность Роба. Он старался намеренно все обратить в шутку, но его смущение явно ощущалось.

«Забавно, как легко у меня получается понимать его настроение, хотя мы знакомы всего несколько часов», – мелькнуло в голове, а вслух Онор сказала:

– Это обычная реакция на кровь. – Она хотела показать Робу, что понимает его и не собирается над ним смеяться. – А может, у вас запоздалый шок от удара о риф?

– Нет. Это из-за вида крови. В детстве со мной кое-что случилось.

Он сделал еще несколько глубоких вдохов и сел прямо. Онор, все еще сидевшая на пятках, поднялась на колени между ног Роба и начала обрабатывать раны. Он стиснул зубы, когда она смоченным в йоде тампоном стирала кровь, а едва антисептик коснулся раны, левая нога Роба дернулась, но он не издал ни звука.

Онор аккуратно протирала каждую ссадину, стараясь действовать осторожно. Внезапно вырвавшийся у пациента стон заставил ее замереть и поднять глаза.

– Простите. Я уже почти закончила. Вы ведь не хотите, чтобы микробы, которыми кишат кораллы, попали в вашу кровь?

Роб попытался улыбнуться, хотя его улыбка больше напоминала гримасу боли. Он изо всех сил старался держаться стоически. Затем его взгляд скользнул от ее лица к шрамам на плече, а оттуда – к ее едва прикрытой груди, находящейся сейчас на уровне его живота. Онор внезапно остро осознала, что стоит полураздетая на коленях между раздвинутых ног мужчины, с которым едва знакома.

Инстинкт подталкивал ее отстраниться, но гордость заставила остаться на месте, несмотря на то что сердце пустилось вскачь, пальцы, касающиеся живота Роба, задрожали, а движения рук стали резче, торопливее.

Онор обработала края глубоких царапин спиртом, чтобы затем стянуть их пластырем. Во влажном тропическом воздухе спирт испарялся плохо, и Онор подалась вперед, чтобы подуть на ссадины.

– Хватит! Дальше я сам. – Роб вскочил со стула, опрокинув его, и отступил назад.

Онор снова уселась на пятки:

– Но мне еще нужно...

– Я сам закончу перевязку. Спасибо, что промыли ссадины.

Она встала на ноги и протянула Робу пластырь, тампоны и обеззараживающую мазь. Ого! Неужели он покраснел? Значит, этот человек не такой уж плохой, раз еще не разучился краснеть.

Избегая взгляда Онор, Роб произнес примиряющее:

– Спасибо. Из вас выйдет отличная мать.

Онор резко втянула воздух. Это были всего лишь слова, произнесенные, чтобы сгладить неловкий момент, но она не ожидала, что они причинят такую боль.

Пошатнувшись, словно от удара, Онор выдавила улыбку:

– Мне нужно работать. Я вас оставляю.

Она схватила свой полевой дневник и, не оглядываясь, торопливо зашагала из лагеря прочь.

Глава 3

Онор услышала бы, как топает Роб Далтон, даже если бы шел сильный ливень. Она сердито обернулась и шикнула через плечо:

– Тсс!

Ну почему этот человек все время вынуждает ее проявлять далеко не лучшие черты характера?

Он медленно, на цыпочках подкрался к кустам, в которых затаилась Онор, и осторожно лег рядом на песок, стараясь не поцарапать снова свой залепленный пластырем живот о какой-нибудь острый камень.

«Неужели этот тип, ростом целых шесть футов и три дюйма, решил, что хорошо замаскировался за кустом? – подумала Онор. – Ох уж эти приезжие с материка! Смех, да и только!»

Роб лег рядом, глядя то на нее, то на полевой дневник, куда она заносила какие-то цифры и каракули, понятные только ей самой. Похоже, у него чесался язык поговорить. Наконец Роб не выдержал:

– А что вы делаете?

Его громкий шепот вспугнул фрегата. Взмахнув огромными крыльями, птица резко взмыла в небо с дерева неподалеку.

Онор с раздражением взглянула на Роба. Тот сверкнул зубами в дежурной улыбке, очевидно полагая, что тем самым смягчит недовольство собеседницы.

– Готова поспорить, вы постоянно пользуетесь своей улыбкой с неизменным успехом, – негромко произнесла она.

Роб лишь усмехнулся в знак согласия и уставился на Онор с тем же вниманием, с каким она только что наблюдала за птицами. Его вопрос повис в воздухе.

– Я веду наблюдение за стаей, – последовал запоздалый ответ.

Роб проследил направление взгляда Онор, и его глаза расширились от удивления. Странно. Неужели он, подходя к месту ее укрытия, и в самом деле не заметил большую внутреннюю лагуну, занимавшую половину острова? На первый взгляд берега этой укромной лагуны и окружающие ее деревья казались покрытыми белой пеной, потому что на них сидели сотни крачек и олушей. Онор передала свой бинокль собеседнику. Оглядев лагуну, наполненную сонмами обитателей, Роб воскликнул:

– Ух ты!

«Ему за тридцать, а ведет себя как шестнадцатилетний», – мелькнуло в голове у Онор.

Впрочем, зрелище действительно было впечатляющим. Она улыбнулась, наблюдая за Робом. В разгар сезона на острове обычно находилось до двадцати тысяч пернатых. Большинство из них использовало Пулу-Килинг в качестве промежуточного пункта на пути к более богатым пищей водам, а затем эти птицы возвращались сюда, чтобы свить гнезда и вывести птенцов.

– А я-то думал, как же на этом острове тихо!

– Тихо? Нет, вы только послушайте.

Воздух вокруг был наполнен звуками птичьих голосов, которые смешивались с шумом океанских волн, обрушивающихся на коралловый риф и шуршащих по покрытому ракушками берегу.

Роб склонил голову, прислушиваясь, отчего на его подбородке стала заметна щетина. Онор внезапно захотелось провести по ней пальцами. Сейчас, когда этот мужчина расслабился, он стал выглядеть обаятельнее, человечнее. Ему явно нравится наблюдать за птицами.

Она отвела взгляд:

– Здесь тысячи разных звуков.

Их лица были сейчас совсем близко друг от друга. Роб искоса смотрел на Онор задумчивым взглядом. Она затаила дыхание, подумав: «Бьюсь об заклад, это тоже каждый раз срабатывает».

Затем его глаза, словно притягиваемые магнитом, на секунду скользнули ниже, к ее шрамам.

Онор вздохнула, не рассердившись и не обидевшись. Может, лишь чуть расстроившись. Она знала, как ужасно выглядят эти шрамы, но никакие косые взгляды мужчин не смогут уменьшить значение этих отметин для нее. Онор носила их словно почетный знак.

– А далеко ли отсюда памятник крейсеру «Эмден»?

Она уже успела подзабыть, что привело этого человека на Пулу-Килинг.

– Метров двести в ту сторону, кажется.

– Вы никогда его не видели? – потрясенно спросил Роб.

Онор не очень-то интересовалась историей человечества и за четыре года, проведенных на острове, почти не обращала внимания на этот памятник.

– Видела. Это недалеко от того места, где гнездятся черепахи.

Роб вытянул шею, глядя в указанном направлении, и глаза его сверкнули интересом.

– Покажете мне?

Его энтузиазм оказался заразительным. Онор уже и забыла, когда последний раз чувствовала такой душевный подъем. Четыре года назад? Больше? Она кивнула и начала осторожно отползать под прикрытие деревьев. Роб последовал ее примеру.

За пять минут они добрались до пляжа на дальней оконечности острова. Лагуна с этой стороны была мельче, ее ярко-голубые воды сверкали под солнечными лучами.

Роб устремил взгляд в море, на то место, где, наверное, когда-то, накренившись, лежал на рифе «Эмден».

Онор коснулась спутника рукой и повела его к выступающим из песка двум бревнам, почерневшим от ветра и воды. Он почти благоговейно двинулся за ней. Часть этого чувства передалась и Онор. Она ощутила, что памятник очень важен для Роба Далтона.

Мемориал представлял собой два бревна, закрепленных вертикально. На поперечном бруске были вырезаны слова «Корабль его величества «Эмден». У осно вания этого памятника лежал кусок корабельной обшивки, позеленевший от времени, – на взгляд Онор, просто морской мусор. Но Роб отнесся к нему иначе. Он присел на корточки и легонько провел рукой по изувеченной временем поверхности, изучая каждую трещинку, словно читая шрифт для слепых. Онор на мгновение представила, как эти длинные изящные пальцы изучают изгибы ее тела, и отвела взгляд.

Сердце заколотилось в груди. Стараясь заставить его успокоиться, она спросила:

– А что случилось с этим крейсером? – хотя в общих чертах знала историю «Эмдена».

– Во время Первой мировой войны австралийский крейсер «Сидней» откликнулся на отчаянный призыв острова Дирекшн. Там находилась важная радиостанция, обеспечивающая связь Австралии с остальным миром. Когда «Сидней» подошел к острову, он обнаружил крейсер «Эмден», стоящий в гавани и готовящийся к бою.

Роб обходил памятник, внимательно рассматривая каждую деталь, словно это были не просто вкопанные в песок бревна, а нечто большее. Прекрасный рассказчик, он жестиком указывал, словно рисуя в воздухе ту сцену, о которой повествовал своим низким, гипнотическим голосом:

– «Эмден» был легким крейсером, оснащенным мощной паровой машиной. Он не раз уходил от преследования вражеских судов и скрывался в нейтральных водах. Но этот бой был кратким и жестоким. Капитан «Эмдена» решил на полном ходу выбросить крейсер на берег, а затем открыть кингстоны, чтобы судно не досталось противнику.

Онор казалось, что Роб даже забыл о ее присутствии и ведет рассказ для самого себя.

– А что случилось с командой? – спросила она.

– Большая ее часть была убита при перестрелке из корабельных орудий с «Сиднеем». Кто-то погиб при посадке на мель, кого-то взяли в плен австралийцы. А некоторые избежали плена и спрятались на острове, но погибли от жажды, потому что здесь нет пресной воды. Их тела, обглоданные кокосовыми крабами до скелетов, были найдены год спустя.

Онор кивнула в сторону небольшого возвышения:

– Это место малайцы называют «Могила боцмана». А что стало с «Эмденом»?

– Он так и лежит на дне прямо за рифом. – Роб указал подбородком в сторону безупречно-голубого океана, словно плавно превращающегося в небо у горизонта. – До того, как крейсер перестал существовать, местные жители забрали с него все, что смогли унести.

– Он проржавел и рассыпался?

– Нет. Он развалился на части и затонул. Теперь уже останки «Эмдена» наполовину заросли кораллами. – Роб перевел глаза на Онор. – В конце концов риф отомстил кораблю за вторжение.

Она улыбнулась поэтическому образу:

– Этот остров всегда так поступает.

Роб снова устремил взгляд в море – туда, где Онор впервые увидела его катер. Она еще и дня не провела вместе с этим человеком. Почему же ей кажется, что они давно знакомы? Стоя с ним рядом, Онор хранила молчание, чтобы не мешать его мыслям.

Солнце, клонящееся к горизонту, позолотило загорелое лицо Роба, выделив прямой нос и ровные скулы. Внезапно захотелось, чтобы это мгновение не кончалось. Но скоро солнце закатится, и Онор окажется здесь, на острове, один на один с этим... морским богом. Лучше не искушать судьбу. Хотя Роб Далтон сейчас стоит и смотрит на море остекленевшими глазами, вскоре он снова начнет вести себя как речистый соблазнитель.

От этой мысли по спине пробежала легкая дрожь. Онор обхватила себя руками. Может, горстке моряков с «Эмдена» и повезло: их подняли на борт из жестоких волн. Но темный океан далеко не всегда так милосерден. Не каждому он дает шанс на спасение. И не все этому шансы рады – взять, например, тех матросов с крейсера, что выбрались на берег, но погибли здесь от жажды.

– Нам пора возвращаться, – произнесла Онор холодным тоном, отгоняя неожиданно нахлынувшие на нее мрачные воспоминания.

И тут же выражение лица Роба изменилось: исчезла только что промелькнувшая на нем страсть. Он бросил последний взгляд в сторону рифа и молча пошел вслед за спутницей.

Роб несколько часов проворочался с боку на бок в каюте «Игрока» – заснуть не получалось. Он пытался убедить себя, что виной тому страх утонуть вместе с поврежденным катером, а вовсе не вспыхивающие то и дело перед глазами образы: абрис щеки Онор, ее соблазнительные загорелые бедра. На борту «Игрока»

Роб провел немало ночей, но никогда еще здесь не появлялась женщина – ни наяву, ни в его снах. Будь проклята Онор, незримо вторгшаяся в его убежище!

Наконец Роб не выдержал и вскочил с койки, решив, что немедленно отправится на берег.

До самого горизонта по океанским волнам пролегла лунная дорожка – словно тропинка из желтого кирпича, ведущая в волшебную страну Оз, а точнее, на остров, где живет прекрасная женщина. Выйдя на палубу и повернувшись лицом к берегу, Роб представил себе, как Онор спит сейчас в своей палатке с рисунком из гигантских подсолнухов.

Он просто немного посмотрит на эту женщину спящую. Ведь в этом нет ничего плохого, правда?

Роб улыбнулся, скользнул в воду и тут же судорожно втянул воздух, едва ледяная вода намочила шорты. В голове мелькнула мысль о том, что акулы в этих краях особенно активны по ночам.

С рекордной скоростью он доплыл до выступающей над водой части рифа и перелез через нее. В защищенной от океана лагуне, казалось, не таилось никаких опасностей, но Роб все равно переплыл ее так же торопливо.

Он выбрался на песок острова и в лунном свете разглядел просвет между деревьями, где проходила тропинка, ведущая к лагерю. Пробираясь под пальмами, согнувшись под весом спящих на них птиц, Роб старался ступать тихо, но все равно потревожил парочку пернатых. Приблизившись к лагерю, он замедлил шаги, не желая напугать хозяйку и решив просто посидеть на раскладном стуле оставшиеся до рассвета пару часов.

Палатка достаточно велика, чтобы вместить двоих, но Онор явно не пожелает разделить ее с едва знакомым человеком, к тому же непрошеным гостем. Роб представил себе, как «русалочка»-отшельница раскинулась во сне, и его воображение тут же заработало на полную катушку.

«Ты извращенец, Далтон», – одернул он себя.

И тут его внимание привлекло какое-то движение под деревьями в дальнем конце лагеря. Роб кинул взгляд на часы. Без четверти три. Все ясно: Онор тоже не спит, как и ему. Она пересекла освещенное лунным светом пространство перед палаткой, и Роб резко вдохнул.

Онор была обнажена, кожа ее отливала золотом.

Он отступил в тень деревьев и отвел глаза в сторону. Теперь Роб услышал, как хозяйка лагеря роется в своих вещах, затем раздался глухой звук – словно что-то бросили в миску, потом туда же полилась вода.

Роб замер на месте. Он немедленно ушел бы, но Онор может услышать его – ведь ему слышно отсюда, как она наливает воду. Он мысленно выругался, превратившись в слух. Вот Онор отжала губку, затем снова прошагала в дальний конец лагеря.

Роб вел борьбу со своей совестью. Ведь ему стоит только подвинуться всего на несколько дюймов, чтобы эта женщина оказалась скрытой от него деревьями, а затем можно будет на цыпочках уйти прочь! Но вместо этого он стоял с закрытыми глазами и слушал, как она моется. Весь день Онор ходила в довольно откровенном бикини, так что сейчас Робу было несложно представить ее обнаженной. Вот она стоит спиной к нему в лунном свете и легкими прикосновениями протирает тело влажной губкой. Казалось бы, в ее движениях нет ничего сексуального, но Роб еле сдержал стон возбуждения. Здесь, на острове, где нет пресной воды, такое мытье – настоящая роскошь. Онор стоит, полускрытая кустами пандануса так, что видны только голова и плечи. Она поднимает руку и проводит губкой по шрамам – осторожно, почти с любовью, – затем замирает, склонив голову и по-прежнему касаясь изуродованной плоти, а после снова начинает поглаживать шрамы почти с благоговением.

Роб замороженно застыл, чувствуя, что наблюдает что-то куда более личное, чем если бы просто увидел эту женщину обнаженной. И тут он внезапно осознал, что глаза его уже не закрыты и то, что он видит, не плод его воображения. Что он творит! Подсматривает за голой женщиной!

«Прекрати! Сейчас же!» – мысленно приказал он себе и шагнул назад. Но не успел Роб отойти от лагеря на несколько метров, как на тропинке перед ним возникла Онор – бледная, с широко раскрытыми глазами, прижимающая к груди полотенце.

– Понравилось шоу? – спросила она обвиняющим тоном.

Онор смотрела Робу в глаза, стараясь не обращать внимания на сверкающие под лунной каплей воды на его коже и в волосах, на его густые ресницы. Она понимала, что у него сейчас есть два варианта действий: трусливо все отрицать или повести себя как настоящий мужчина.

Успокаивающе выставив перед собой руки, Роб тоже смотрел ей в глаза, хотя Онор стояла перед ним почти голая.

– Вы очень красивая. Я не хотел подсматривать за вами.

– Врете! – Она все еще сердилась на него. – Или хотите сказать, что у вас нашлось срочное дело как раз там, где я мылась?

– Я прошу прощения за то, что приплыл ночью на остров. Я не ожидал, что вы будете мыться в такое время.

Онор покраснела от злости:

– Вы должны сейчас спать!

– Вы тоже.

Бесило вовсе не то, что Роб застал ее голой – ее тело видели многие люди, и не все из них были врачами. Онор сердилась, потому что этот человек предал только-только завоеванное им доверие.

– Как вам теперь доверять? Вы шпионили за мной.

Но взгляд его был искренним. Роб шагнул к ней и замер, когда она отшатнулась.

– Ваше купание – такая же естественная часть жизни этого острова, как и гнездование птиц.

– Легко вам говорить. Это не вы только что сверкали голой задницей.

Роб еле сдержал улыбку, понимая, что Онор воспримет ее как оскорбление.

Она крепче прижала полотенце к груди и приказала:

– Вон из моего лагеря!

Роб включил обаяние на полную катушку, склонил голову набок и произнес голосом, напоминающим растопленный шоколад:

– Да ладно вам. Это была ошибка. Я же извинился.

– Интересно, этот успокаивающий тон вашего голоса действует на всех подряд или только на женщин?

Судя по взгляду, который кинул в ответ Роб, Онор сильно его задела.

– В основном на женщин.

– Ах вы, самолюбивы...

– Мы можем считать произошедшее нормальной мужской реакцией на красивую нагую женщину? – перебил ее Далтон.

Он уже второй раз назвал ее красивой!

– Лесть вам не поможет. Я знаю, как теперь выгляжу. И еще я знаю, что мои шрамы – это не я, они не изменили мою сущность. – Эти слова были адресованы ей самой, а не собеседнику.

Она крепче вцепилась пальцами в полотенце на груди.

– Они ничего не изменили в вас.

Онор ахнула и указала в сторону океана:

– Убирайтесь с моего острова!

Роб рассмеялся:

– Смотрите на вещи проще.

– Хотите сказать, что вовсе не замечаете моих шрамов? – с вызовом спросила она.

И когда только Далтон успел подойти ближе? Теперь он стоял рядом, глядя на Онор с высоты своего роста.

– Честно? Замечаю. Но вовсе не потому, как вам кажется. Что бы вы обо мне ни думали, я не полный придурок. Я обращаю внимание на ваши шрамы, потому что они причиняют вам такую боль и потому что именно из-за них вы тут, на острове, – я это понимаю. Они тревожат меня, потому что причиняют беспокойство вам.

Целых четыре года Онор пыталась научиться любить эти шрамы.

– Они вовсе не беспокоят меня. – Она повысила голос и вздернула подбородок, тяжело дыша. – Это касается лишь меня и...

Нет, она не собирается откровенничать с этим типом. И вообще ни с кем.

Внезапно Онор осознала, что стоит почти обнаженной перед полностью одетым мужчиной. Она повернулась, зашагала обратно в лагерь и лишь в последнюю секунду вспомнила, что сзади не прикрыта полотенцем. Роб шел следом, но, как ни странно, Онор не испытывала перед ним стеснения или страха. В глубине души она понимала, что этот мужчина не причинит ей вреда. По крайней мере, физического.

– Пока вы не почините ваш катер, мы будем сохранять дистанцию между собой.

– В этом нет необходимости. Я уже видел вас без одежды – подумаешь! Сегодня на пляже бикини почти не прикрывало ваше тело, но я ведь не затащил вас в дюны, так ведь?

Она лишь скользнула по Робу взглядом.

– Ах так! Ну ладно! – Он стянул с себя шорты.

Онор резко отвернулась:

– Что вы делаете, черт побери?

– Пытаюсь сравнять счет. Я уже видел вас голой. Теперь вы можете посмотреть на меня. Я не возражаю.

– Не хочу я на вас смотреть! – воскликнула Онор, а внутренний голос укорил ее: «Обманщица!»

Но это же просто курам на смех! Не будет она поворачиваться!

– Нам что, по двенадцать лет?

– Ладно. – Его голос прозвучал приглушенно, потому что Роб в этот момент стягивал с себя футболку. – Все. Я голый. Давайте, взгляните на меня!

Онор почувствовала, что закипает от гнева.

– Сейчас же оденьтесь, Роб!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.